

и ту же вечную тему. Слово «плагиат» ему так же непонятно, как непонятно кошке, что рыба на кухонном столе — не охотничья добыча, что она уже чья-то.

Конечно, то, что автор называет «расовыми» ценностными системами, — на самом деле сословные этосы (дворянства, духовенства, буржуазии), их связь с какими-либо этническими группами — вымысел, к тому же опять-таки не самого Розенберга: у его истоков стоят Буленвилье и Гобино, а в дофилософском виде такие представления существовали ещё в глубочайшей древности. В склонности к подобным выводам — характерная опасность этнопсихологии, поневоле сводящей личные черты характера (по определению индивидуальные и потому плохо поддающиеся проверяемому эксперименту) к типичному, массовому случаю.

На самом деле различия в национальном характере касаются не столько ценностей, сколько их иерархии, а главное — *стиля* поведения. М. Оссовская (1987) убедительно показала сходство этоса благородного сословия у самых разных народов, отделённых друг от друга и временем, и пространством, причём в основе этого сходства лежит общность социального бытия. Это доказывается уже тем, что стиль жизни, свойственный европейскому рыцарству или гомеровским царям, легко обнаружить и у японских самураев, хотя за всю историческую эпоху в Японии не было «этнических смешений». Даже в цивилизациях, изолированных от внешнего мира, на соответствующих стадиях развития складывалось своё дворянство и своя буржуазия, и их психология различалась так же, как в Европе, и по тем же причинам (пример — та же Япония).

I.8. Понимание мифа

Если понятию расы Розенберг так и не дал чёткого определения, то для мифа он его пытается дать:

«Ценности характера, линии духовной жизни, пёстрые тона символов бегут рядом друг с другом, переплетаются и все же дают в итоге человека. Но только тогда во всем полнокровном изобилии, если они сами являются следствиями, рожденными единым центром, который лежит по ту сторону всего, что поддается опытному (эмпирическому) исследованию. *Это неувимое резюме всех направлений "Я", народа, вообще общности, составляет его миф.* Мир богов Гомера был таким мифом, который и далее защищал Грецию и поддерживал её, когда чуждые люди и ценности начинали преодолевать эллинизм. Миф красоты Аполлона и силы Зевса, космической необходимости судьбы в космосе и таинственной связи с человеческим существованием был тысячелетним деянием греков, хотя только у Гомера он проявился с типобразующей силой» (Rosenberg 1934: 459; выделено мной — Л. М.).

Единственный раз Розенберг даёт определение хотя бы одного из своих основных понятий — и определение это неудовлетворительно. Мифом у него оказывается иррациональный формообразующий *принцип* культуры, а дальше речь в тексте идёт уже о *повествовании*, раскрывающем этот принцип.

Между тем при желании Розенберг мог бы назвать авторитетных предшественников, видевших в мифе не только «неувимое резюме всех направлений "Я", народа», но и орудие контроля над массами со стороны духовных элит. Это афинский тиран Критий (см.: Секст Эмпирик: 1976: I, 253) и его двоюродный племянник Платон с его «благородным вымыслом» о происхождении граждан (Государство III 414c — 415d), Рихард Вагнер и Фридрих Ницше с его идеями, «за счёт которых жи-

лось бы лучше, а именно полнее и веселее, нежели за счёт “современных идей” (По ту сторону добра и зла, I,10). Но прежде всего, конечно, это Жорж Сорель, теоретик анархо-синдикализма, идеи главной книги которого *«Размышления о насилии»* нашли отклик как у левого крыла коммунистов, так и у итальянских фашистов. Изложению принципов «теории мифа» посвящены части III—IV его введения (Sorel 2003: 21—30). По Сорелю, «люди, участвующие в великих социальных движениях, представляют себе своё предстоящее действие в виде картин сражений, обеспечивающих триумф их дела. Я предложил назвать эти конструкции, познание которых столь важно для историка, *мифами»* (Sorel 2003: 21). По Сорелю, мифы нерасчленимы на части и не подвержены ни детальной критике, ни рациональному опровержению — поскольку, в отличие от утопий, лежат в иной плоскости, чем разум. Например, для католиков «миф воинствующей Церкви» означает, что всё происходящее — лишь эпизоды вечной войны между Церковью и Сатаной, поэтому даже поражения, вписываясь в общую картину этой борьбы, перестают пугать (: 22). Точно так же «миф всеобщей стачки», стоящий в центре внимания автора, может говорить о несбыточных иллюзиях — и тем не менее выполнять свою мобилизующую роль. Автор с торжеством цитирует признание Э. Ренана о социалистах: «После каждой сорвавшейся попытки они начинают снова: решение не найдено, так будет найдено. Их никогда не посещает идея, что решения вовсе нет, и в этом их сила» (: 30). Резюмируя эту мысль, Х. К. Мариатеги — крупный историк, публицист и в то же время основатель Компартии Перу — сочувственно замечает:

«По словам Сореля, исторический опыт последнего времени убедительно показал, что современные политические и социальные мифы способны захватить воображение людей не менее глубоко, чем религиозные мифы древности».

При этом советский перевод умышленно неточен: получается, что автор осуждает такую практику. На самом же деле у Мариатеги буквально говорится: «los actuales mitos revolucionarios o sociales pueden ocupar la conciencia profunda de los hombres con la misma plenitud que los antiguos mitos religiosos» (Mariátegui, ensayo 5, 3) — «современные *революционные* и социальные мифы могут захватить глубинное сознание людей с той же полнотой, что и старые религиозные мифы» (выделено мной — Л. М.). Если учесть политическую позицию самого Мариатеги, его оценка идей Сореля звучит по-иному.

По мнению современного исследователя идей Ж. Сореля, «международной философско-социологической и политологической литературой ему выдан патент изобретателя политических мифов. Вряд ли Сорель отдавал себе отчёт в том, какого джина он выпускает из бутылки» (Рахшмир 2001: 124).

Надо ли напоминать, что и здесь Розенберг не ссылается на Сореля, хоть и пользуется его идеями? И это при том, что тот — путанный, как и почти все анархисты, — излагает свои мысли всё-таки куда более связно и последовательно, чем «партийный философ»?

Но дело даже не в этом. Тут же автор переходит к описанию «мифов» враждебных ему сил (что касается гомеровского мифа, невнятный тезис о его «типобразующей силе» не подкреплён ни одной цитатой, ни единым примером). При этом «еврейский миф» у него явно списан с *«Протоколов сионских мудрецов»*, давно разоблачённых как фальшивка и восходящих к старому роману-памфлету Мориса Жюли *«Диалог на том свете между Макиавелли и Монтескье»* — остроумной

сатире на дилетантски-пиаровский авторитаризм Наполеона III, в которой евреи на самом деле упоминаются лишь единожды, в IV диалоге, да и то лишь для сравнения (July 1864).

В критике же католицизма Розенберг лишь повторяет зады антирелигиозной пропаганды XVIII—XIX веков (Шпеер в главе «*Будни рейхсканцелярии*» с презрением вспоминает «розенберговские антиклерикальные пасквили»). Исторически это понятно: католики в XIX в. в Германской империи были в умеренной оппозиции к кайзеровскому режиму. До самого 1870 г. католические области (юг и юго-запад) сопротивлялись объединению Германии под эгидой лютеранской Пруссии, ориентируясь больше на единоверную Австрию и даже Францию, да и позже постоянно фрондировали. В этом была своя принципиальная позиция: католицизм, в котором папа превыше королей, ставит религию (а с нею — и общечеловеческую нравственность) выше политики (а значит, нации и национального государства), в протестантских странах король — глава церкви, определяющий совесть своих подданных. Известны кампании Бисмарка против католиков («борьба за культуру» — *Kulturkampf*, как назвал её Р. Вирхов) и социалистов разом. При всём том крупнейшему католическому княжеству — Баварии — пришлось оставить даже отдельную армию: на меньшее она бы не согласилась. Всё это так, но ведь Розенберг ставит вопрос глобально: не роль католицизма в Германии эпохи кайзеровского рейха, а его роль «вообще». Но тогда почему только католицизм? А православие с его преследованием старообрядцев (уж это-то автор, родившийся и учившийся в России, должен был знать) и разными правами для приверженцев разных религий, оформленными законодательно (Брокгауз и Ефрон 1901: 120—121)? А «исламский фанатизм» (Rosenberg 1934: 115)? А эпоха Реформации и Тридцатилетней войны, когда те же лютеране словно соревновались с католиками — кто больше ведьм сожжёт? Большевики, по крайней мере, были последовательны — они боролись с фанатизмом *любой* религии, включая иудейский: непредвзятого автора уже хоть это должно было навести на какие-то размышления. Здесь же мы не видим ничего похожего хотя бы на внимание к фактам. Подобным же образом, как заметил В. Жаботинский (1992: 88), Достоевский уверен, что от евреев «придёт гибель России», но даже не пытается разобраться, что это за мистические враги, почему и как это случится и даже так ли это вообще: «ни одного цельного еврейского образа у Достоевского нет, насколько могу припомнить» (там же). Мифологическая логика: анализ фактов подменяется анализом априорных схем.

Однако сама идея иррациональной сущности, лежащей в основе культуры, отнюдь не нова. Её пытался выделить уже О. Шпенглер, искавший ядро египетской, «аполлонической», «фаустовской» души. Это ядро, весьма похожее на «Самость» К. Г. Юнга, называли по-разному: то прафеноменом, то пассионарным толчком, то базовым смыслом.

Существует ли в каждой культуре такой смысловой центр? Явно да. Иначе невозможно объяснить, почему культуры различны, хотя существуют в одном и том же мире, где вода всегда мокрая, а огонь везде горячий. Почему же тогда некоторые понятия (например, красоты или свободы) так непохожи у европейцев, русских и китайцев?

Устойчивы ли эти смысловые ядра, передаются ли из поколения в поколение? Явно — да. Иначе невозможно было бы говорить о Европе или России как целостных исторических явлениях, не исчезающих с каждой сменой поколений.

Наследуются ли эти смысловые комплексы биологически? Доказано, что нет. Культура и хранится, и передаётся другими путями, без участия генов. Иначе мы не нуждались бы в обучении — например, родному языку.

Поддаются ли эти смысловые ядра рациональному объяснению? Как правило — не вполне. Рационально то, что можно доказать: дважды два — всегда четыре, кто бы ни считал. Произвольно выбранные смыслы, лежащие в основе различий между культурами, относятся к сферам, недоступным такому недвусмысленному доказательству, исключая варианты. Поэтому их иррациональность приходится признать. Если бы это было не так, то превосходство, например, европейского типа миропонимания над всеми остальными можно было бы научно доказать, выразив «мерю, числом и весом» (Прем. Сол.11:21). Но любая попытка подобного рода упирается в отсутствие общепризнанных критериев сравнения.

Следуют ли из этого выводы в духе расизма? Они логически возможны, и опасность такая есть всегда. Но их ложность доказана историей. Не всё доступно элементарной школьной логике, как не всякую задачу можно решить на пальцах.

Так где же обрывается логическая цепочка?

I.9. Выводы

Итак, дополним схему Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси в части конкретного содержания нацистского мифа:

1. Человечество делится на расы, различающиеся не столько даже по физико-антропологическим признакам, сколько по наследуемым ценностным установкам.
2. Высшие ценности — у «арийско-нордической расы», этим и определяется её превосходство.
3. Вся мировая история есть история борьбы трёх сил:
  - a. арийско-нордической расы с её ценностями чести и долга и правильной иерархией людей в зависимости от их врождённых способностей;
  - b. римско-католической церкви с её высшей ценностью абстрактной любви, уравнивающей все расовые типы;
  - c. еврейства, идеалы которого ведут к разрушению всякой типологической определённости.
4. Все остальные расы — не самостоятельные субъекты истории, а более или менее пассивные орудия трёх основных сил.
5. Никакого прогресса не существует. Есть лишь идеальное состояние (иерархия рас во главе с арийской), которое следует лишь поддерживать в неизменности. Это — яркая черта утопического видения мира. Даже научные открытия и технические достижения имеют лишь эстетическую ценность, как проявления «творческого духа».
6. Противоположность этой утопической картине — «расовый хаос», тождественный и «римскому универсализму», и демократии.